

Л. С. Кара-оол

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА У ТУВИНЦЕВ-ЭРЗИНЦЕВ

Тувинский литературный язык сформировался на основе одного из диалектов – центрального. Что касается других диалектов, то они имеют довольно сложную и своеобразную историю. Как писал Ш.Ч.Сата, «тувинские диалекты и говоры на современном этапе развития функционируют в сложном взаимодействии с литературным языком... Они не имеют резких отличий, поэтому трудно точно установить массивы их распространения и границы» [11, с. 12–17]. В связи с этим приходится говорить лишь о преимущественном употреблении той или иной формы в том или ином диалекте [17, с. 153].

По поводу классификации тувинских диалектов в тюркологии и тувиноведении нет единого взгляда. А.А.Пальмбах выделил 3 типа территориальных диалектов: *среднетувинский* (н.п. Дзун-Хемчик, Чаа-Холь и др.), *западный* (н.п. Барыын-Хемчик, Бай-Тайга), *восточный* (н.п. Каа-Хем, Тес-Хем и др.). З.Б.Чадамба подразделяет тувинские диалекты на *центральный* (н.п. Дзун-Хемчик, Овюр, Барыын-Хемчик, Бай-Тайга, Монгун-Тайга, часть Улуг-Хемского кожууна), *тоджинский* (таежный и речной говоры) и *смешанные* говоры (н.п. Каа-Хем, Тес-Хем, Эрзин, Пий-Хем, Танды и часть Улуг-Хемского кожууна). А.Ч.Кунаа считал, что в тувинском языке 3 диалекта: *центральный*, *тоджинский* и *эрзинский*.

В настоящее время исследователи выделяют в тувинском языке 4 группы диалектов: *центральную* (ЦД), *северо-восточную* (СВД), *юго-восточную* (ЮВД), *западную* (ЗД), и два переходных говора (каа-хемский, тере-хольский) [12, с. 24–25], однако вопрос о разграничении и классификации тувинских диалектов все еще остается открытым. Сегодняшним диалектологам предстоит детально исследовать диалекты и говоры и разработать программу сбора словарного материала для составления диалектологического атласа тувинского языка.

Основная цель данной работы состоит в том, чтобы выявить некоторые особенности состава и употребления терминов родства (ТР) в речи населения Эрзинского кожууна (ЭК), где проживают монголоязычные тувинцы. В ней рассматривается не вся СТР, а лишь отдельные термины, которые характерны для данной территориальной группы ЮВД. Те слова, которые соответствуют ТР современного тувинского языка, не анализируются.

Работа написана на основе лексического материала, собранного автором методом непосредственного наблюдения в августе 1999 г., а также опубликованных статей других лингвистов, в которых зафиксированы сведения по ТР тувинцев.

ЭК расположен в юго-восточной части Республики Тыва вдоль южных склонов хребта Сенгилен. С юга он граничит с Монгольской Народной Республикой, с севера и запада – с Каа-Хемским и Тес-Хемским кожуунами, а с востока – с Кунгуртугским. В ЭК 6 населенных пунктов, самый отдаленный – село Качык. Жители приграничных с МНР районов в значительной части владеют монгольским языком и фактически в ЭК функционируют 3 языка: тувинский, русский и монгольский.

Первичное обследование ЮВД проводили А.Ч.Кунаа [7; 8, с. 251–253] и З.Б.Чадамба [2, с. 325–331]; с целью изучения монгольской речи жителей Эрзина там побывал П.Ц.Биткеев [3, с. 240]. Обобщающая характеристика ЮВД дана в работе Ш.Ч.Сата [12]; кроме того, по этому диалекту есть работы Б.С.Сонам [14] и К.А.Бичелдея [4]. В лингвистическом плане лексика отношений родства и свойства ЮВД описана Е.М.Куулар [9], которая попыталась осветить происхождение и семантическое развитие ТР, для чего в качестве сравнительного материала привлекла ТР монголов – жителей Северо-Западной Монголии.

Номенклатура родства в ЭК в основном совпадает с ТР тувинского литературного языка, но в ряде ТР тувинцев-эрзинцев зафиксированы некоторые специфические особенности, которые мы и рассматриваем, учитывая характерные особенности других тувинских диалектов.

Ада [аъда] (лит. яз.) – ‘отец’, *адам* – ‘мой отец’. Лексема *ада* употребляется как референтивный ТР: *ата* [аъта] (с. Эрзин) – ‘отец’. В диалектной форме *ата* между гласными сохранился глухой согласный [т], тогда как в литературном языке он в этой позиции озвончается.

Данный термин в фонетическом варианте *ата* зафиксирован в памятниках тюркского рунического письма [6, с. 283], обнаруженных на территории Республики Тыва. В современных тюркских языках в указанном варианте термин *ата* встречается в речи цагаан-нуурских тувинцев (МНР) [13, с. 148–157] и в большинстве языков юго-западной и северо-западной групп [15, с. 291].

Акы (лит. яз.) – ‘старший брат; дядя, брат отца; сын брата, старше эго; родственник по отцу; дядя – вежливое обращение к мужчине; отчим’, *акый* (вокативный термин), *акым* – ‘мой старший брат’; *акаа* [ак-каа] (с. Эрзин, Бай-Даг) – ‘старший брат отца’, *ха* (с. Нарын) – ‘старший брат’, *аха* (с. Эрзин) – ‘старший брат’.

С точки зрения современных фонетических процессов в тувинском языке и его диалектах невозможно объяснить долготу конечного гласного в диалектном слове *акаа*, возможно, здесь сказалось влияние монгольского языка. По мнению Б.И.Татаринцева, слово *акаа*, скорее всего, гомогенно с *ака(й)*, *акы*, а долгота конечного гласного не вполне ясна, возможно, она имеет эмфатический характер [16, с. 83]. Слово *акаа* до недавнего времени было диалектной особенностью с. Ак-Эрик Тес-Хемского кожууна. Лексемы *ха*, *аха*, очевидно, заимствованы из монгольского языка (ср.: п.-монг. *аха*, монг. *ах* – ‘старший брат; почтитель-

ное обращение к старшему по возрасту'). Слово *ха* в значении 'старший брат' зафиксировано и в речи хобдских тувинцев (МНР) [1].

Угба [угва] (лит. яз.) – 'старшая сестра; тётя, сестра отца; дочь родственника, старше эго; тётя – вежливое обращение к женщине; мачеха', *угбай* (вокативная форма), *угбам* – 'моя сестра' – *ува* (с. Эрзин, Сылдыс, Торе-Холь).

В специфическом для тувинского языка ТР *угба* в диалектном варианте наблюдается выпадение слабого сонорного согласного [г]. Диалектная форма *ува* сохранилась также в тоджинском диалекте, улугхемском (ЦД), бай-тайгинском (ЗД) говорах, а также в смешанных каахемском и тере-хольском говорах.

Келин [кэлин] (лит. яз.) – 'жена сына или младшей сестры, младшая невестка, сноха', *кенним* – 'моя невестка' – *кен* [кэн] (с. Нарын, м. Биче Хайыракан). В указанных местностях, параллельно с термином *келин* в том же значении употребляется форма *кен*, возможно, стяженная форма от *келин*, в древнетюркском термине свойства *келин* произошло выпадение целого слога *келин* > *кен*.

Шуваганчы (лит. яз.) – 'старушка' – *шыбаганчы* (с. Нарын, м. Биче Хайыракан) – 'жена мужчины преклонного возраста'. В диалектном варианте этого слова наблюдается сингармонизм неогубленных твердых гласных, а видоизменение огласовки, возможно, произошло в результате метатезы согласных. В данном слове наблюдается также изменение значения слова.

Среди собственно лексических различий в сфере ТР между диалектом тувинцев-эрзинцев и тувинским литературным языком нами зафиксированы такие примеры, когда одно и то же понятие в литературном языке и в речи эрзинцев выражены разными лексемами.

Өгбе [өгвэ] (лит. яз.) – 'прадедушка; предок', *өгбем* – 'мой прадедушка' – *буурал ача* [пуурул ача] (с. Нарын, Торе-Холь);

Эне [энэ] (лит. яз.) – 'прабабушка; вежливое обращение к пожилой женщине', *энем* – 'моя прабабушка' – *буурал ава* [пуурул ава] (с. Нарын, Торе-Холь).

Понятия «прабабушка» и «прадедушка» в эрзинском диалекте передаются нетерминологическими словосочетаниями *буурул авай* (букв. 'седая мать'), *буурул ачай* (букв. 'седой отец'), которые не свойственны другим диалектам и зафиксированы только в указанных населенных пунктах. Здесь, скорее всего, сказалося влияние монгольского языка. Монголы в значениях «прабабушка» и «прадедушка» употребляют словосочетания *буурал ээж* (букв. «седая мама»), *буурал аав* (букв. «седой папа»).

Кырган-ача (лит. яз.) – 'дедушка, отец матери или отца; брат дедушки; старший брат отца или матери; обращение к мужчине преклонного возраста', *кырган-ачай* (вокативный ТР), *кырган-ачам* – 'мой дедушка' – *аава* (с. Эрзин, Сылдыс) [9, с. 151].

Кырган-ава (лит. яз.) – 'бабушка, мать отца или матери; сестра бабушки; старшая сестра отца или матери; обращение к женщине пре-

клонного возраста', *кырган-авай* (вокативная форма), *кырган-авам* – 'моя бабушка' – *ээже* (с. Эрчин, Сылдыс) [9, с. 151].

Тувинцы ЭК, владеющие монгольским языком, в значении «отец матери или отца» и «мать отца или матери» употребляют монгольские заимствования *аава* (монг. *ав, аав* – 'отец, папа' [5, т. 1, с. 704]), *ээже* (монг. *ээж* «мама» [5, т. 1, с. 453]).

Каты [катты] (лит. яз.) – 'тесть; старший брат жены, шурин; старший родственник жены', *катым* – 'мой тесть' – *хатым аав* – 'тесть, свёкор' (с. Эрзин, Сылдыс); *каты* – 'тесть, свёкор' (с. Нарын, Качык); *кат-ие* [кат-ийэ] (лит. яз.) – 'тёща; старшая сестра жены; старшая родственница жены', *кат-ием* – 'моя тёща' – *хатым ээч* – 'тёща, свекровь' (с. Эрзин, Сылдыс) [9, с. 153]; 'тёща' – *кат-ие* – 'тёща, свекровь' (с. Нарын, Качык).

В селах Эрзин и Сылдыс монголоязычные тувинцы при обозначении понятий «тесть, отец жены», «свёкор, отец мужа», как и «тёща» и «свекровь», пользуются заимствованиями из монгольского языка *хатым-аав* (монг. *хадам аав* – 'тесть' [5, т. 2, с. 614]) и *хатым-ээч* (монг. *хадам ээж* – 'тёща' [5, т. 2, с. 616]), тогда как эти понятия в литературном тувинском языке передаются разными лексемами: тесть – *каты*, свёкор – *бег*, тёща – *кат-ие*, свекровь – *кунчуг*.

В Нарыне и Качыке понятия «отец мужа» и «отец жены» передаются одним и тем же термином *каты*; в значении «мать мужа» и «мать жены» используется также один термин *кат-ие*, в то время как в тувинском литературном языке *каты* – 'тесть', *кат-ие* – 'тёща'. Аналогичное явление зафиксировано нами в языке хобдских тувинцев Северо-Западной Монголии [1].

Бег [пэг] (лит. яз.) – 'свёкор', *бээм* – 'мой свёкор' – *ире* [ирэ] – 'свёкор' (с. Морен, Торе-Холь);

Кунчуг (лит. яз.) – 'свекровь', *кунчуум* – 'моя свекровь' – *када* – 'свекровь', *кадам* – 'моя свекровь' (с. Морен, Торе-Холь).

В Нарыне и в речи чабанов района озера Торе-Холь в значениях «свёкор» и «свекровь» употребляются слова *ире* и *када* [1], в то время как в пий-хемском (ЦД) [1] и каа-хемском говорах и СВД *када* – это «тётя» или апеллатив к пожилой женщине, а при обращении к пожилому мужчине используется слово *ирей*, т.е. «старик, дед» [1; 2; 19, с. 73].

Однако среди лексемных различий в речи населения ЭК есть такие примеры, когда определенные отношения родства выражаются терминами, совпадающими с ТР литературного языка, но при этом в диалекте для выражения данного понятия на правах синонима имеется и другая лексема.

Даай [таай] (лит. яз.) – 'дядя, брат матери; родственник по линии матери', *даайым* – 'мой дядя' – *улуг даай, даай акы, нагыс* (с. Нарын, Качык, Эрзин, Сылдыс).

Даай-ава [таай-ава] (лит. яз.) – 'тётя, сестра матери; родственница по линии матери', *даай-авам* – 'моя тётя' – *даай-ува* (с. Эрзин, Сылдыс, Торе-Холь).

В данных местностях для обозначения старших сиблингов матери эго наравне с общепринятыми терминами, в зависимости от возраста брата или сестры матери, употребляются нетерминологические лексемы или фразеосочетания родства: *улуг даай* (букв. 'старший дядя') – 'старший брат матери', *даай-акый* (букв. 'дядя-брат') – 'младший брат матери', *даай-ува* (букв. 'дядя-сестра') – 'младшая сестра матери', а понятие «старшая сестра матери», как и в литературном языке, передается сложным термином *даай-ава*. Заимствованное из монгольского языка слово *нагыс* (монг. *нагац ах* [5, т. 1, с. 220]) в значении «старший брат матери» зафиксировано нами в речи монголоязычных тувинцев сёл Нарын и Качык.

Дуңма [тунма] (лит. яз.) – 'младший брат или младшая сестра; сын или дочь родственника младше эго; обращение к любому человеку младше эго', *дуңмай* (вокативная форма), *дуңмам* – 'мой младший брат или моя младшая сестра' – *чараш*, *өней*, *сарыым*, *эниим* (с. Эрзин, Сылдыс, Морен, Нарын).

В СТР тувинцев для обозначения младших сиблингов эго независимо от пола, кроме термина *дуңма*, зафиксировано в качестве вокативных около 15 нетерминологических лексем с уменьшительно-ласкательным оттенком. Из них в речи эрзинцев встречаются: *чараш* (букв. «красивый /-ая/»); *өней* (от междометия «баю»: отмечено еще в улуг-хемском, овюрском, дзун-хемчикском /ЦД/, бай-тайгинском /ЗД/ говорах); *сарыым* (букв. «милый /-ая/ моя»: отмечено улуг-хемском /ЦД/, бай-тайгинском, барун-хемчикском /ЗД/ говорах); *эниим* (букв. «щеночек мой»: отмечено в ЦД /Сут-Холь, Улуг-Хем, Дзун-Хемчик, Усинск/).

Куда (лит. яз.) – 'сват, сватья' – *адаш* – 'сват', *кудагай* – 'сватья' (с. Эрзин, Сылдыс, Нарын).

В тувинском языке взаимный термин *куда* обозначает свойственников как мужского, так и женского пола, однако в речи эрзинского населения мы зафиксировали разные лексемы для понятий «сват» и «сватья», которые употребляются параллельно с основным термином. Как и в некоторых других тюркских языках, термин *кудагай* в данном говоре имеет значение «сватья». Здесь, скорее всего, сказалось влияние монгольского языка: в термине *кудагай* аффикс *-гай* восходит к непродуктивному монгольскому суффиксу для обозначения лиц женского пола [10, с. 74]. Нетерминологическая лексема *адаш* в речи эрзинцев употребляется в значении «сват». Б.И. Татаринцев пишет, что в речи тувинцев Северо-Западной Монголии отмечено *адаш* «друг». Ср.: тофалар. *адаш* 'тувинец' (уважительное слово), сопоставляемое с др.-тюрк. *adas* – 'друг, приятель' [16, с. 59]. Очевидно, слово *адаш* в речи данного населения употребляется для выражения почтительного отношения к свату. Помимо этого встречаются и описательные термины *улуг куда* (букв. «большой сват») – 'сват, отец зятя или невестки'; *улуг кудагай* (букв. «большая сватья») – 'сватья, мать зятя или невестки'; *бичии куда* (букв. «маленький сват») – 'родственник зятя или невестки', *бичии кудагай* (букв. «маленькая сватья») – 'родственница зятя или невестки'.

В значениях «муж» и «жена» у тувинцев-эрзинцев, наравне с литературными формами *ашаам* ('мой муж') и *кадайым* ('моя жена'), употребляются свободные словосочетания, оформленные изафетной конструкцией: *Доржаның ачазы* – 'отец Доржи', *Доржаның авазы* – 'мать Доржи'. Мужчина преклонного возраста жену называет *шыгбанчы*, в то время как в литературном языке это слово имеет форму *шуваланчы*. Возможно, первичным значением этого слова было «старушка, пожилая женщина», а в дальнейшем семантика слова расширилась.

Күүй (лит. яз.) – 'тётя, жена старшего брата матери' – *улуг чеңге* (с. Эрзин, Сылдыс, Морен, Нарын).

В литературном языке жену старшего брата матери принято называть *күүй*, в речи эрзинцев для этого используется описательный термин *улуг чеңге* (букв. «старшая невестка»), тогда как в пий-хемском, улуг-хемском (ЦД), тес-хемском (ЮВД) и каа-хемском говорах тувинского языка термин *чеңге* выступает как термин родства и свойства, обозначая понятия 'жена старшего брата отца, жена старшего брата; мачеха'.

Шаны, *шанышкылар* – 'дети родных сестер, двоюродные братья и сестры'; *беле*, *белешкылар* – 'дети двоюродных сестер, троюродные братья и сестры'; *хайа*, *хаяшкылар* – 'дети детей двоюродных сестер, четвероюродные братья и сестры' (лит. яз.) – *акы*, *акышкылар* – 'старший брат, старшие братья', *дуңма*, *дуңмашкылар* – 'младший брат / младшая сестра, младшие братья или сестры', *угба*, *угбашкылар*, *ува*, *увашкылар* – 'старшая сестра, старшие сестры' (с. Эрзин, Сылдыс, Морен, Нарын, Качык).

В тувинском литературном языке понятия «двоюродный, троюродный ... брат или сестра» по женской линии выражаются терминами *шаны*, *беле*, *хайа*, которые в речи эрзинцев не зафиксированы; вместо них употребляются ТР для младших и старших сиблингов эго.

Чуржу [чуържу] (лит. яз.) – 'младший шури, младший брат жены, младшая свояченица, младшая сестра жены', 'младший деверь, младший брат мужа', 'младшая золовка, младшая сестра мужа' – *дуңма* [тунма] (с. Эрзин, Сылдыс, Морен, Нарын, Качык).

Понятия «младший шури, младшая свояченица», «младший деверь, младшая золовка» в литературном тувинском языке передаются термином *чуржу*, но в речи эрзинцев вместо него употребляется термин *дуңма*, обозначающий младших сиблингов эго.

Тувинцы-эрзинцы, отражая в речи порядок рождения ребенка, употребляют описательные термины: *дун оглу* – 'первенец', *улуг оглу* – 'старший сын'; *ортун оглу* – 'средний сын', *хеймер оглу* – 'последыш, последний сын', *бичии оглу* – 'младший сын', а эго, учитывая порядок рождения старших и младших сиблингов, использует следующие описательные термины: *улуг акы* – 'старший брат', *ортун акы* – 'средний брат', *бичии акы* – 'младший брат'; *улуг оол дуңма* – 'старший братишка', *ортун оол дуңма* – 'средний братишка', *хеймер оол дуңма* – 'младший братишка'. Наименование детей, а также старших и младших сиб-

лингво это по порядку рождения является очень яркой особенностью речи эрзинцев.

Таким образом, незначительная часть ТР, специфичных для речи населения ЭК, имеет диалектные фонетические варианты и не отличается от ТР литературного тувинского языка по семантике. Вместе с тем, у эрзинцев отмечаются ТР или слова в функции ТР, не свойственные не только литературному языку, но и другим говорам – такие, как: *адаш* – ‘сват’, *чараши* – ‘братишка, сестренка (уменьшит.-ласк.)’, *буурул ачай* – ‘прадедушка’, *буурул авай* – ‘прабабушка’. СТР эрзинцев носит отчетливые следы языковых контактов местных жителей с монголами и свидетельствует о влиянии на нее монгольского языка.

1. Полевые материалы автора по терминам родства хобдских тувинцев (МНР), пий-хемского говора и юго-восточного диалекта тувинского языка.
2. *Арагачи (Чадамба) З.Б.* Тес-хемский говор // УЗТ. Вып. XI. 1964.
3. *Биткеев П.Ц.* Гласный *i* в монгольском языке Тувы // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Вып. 1. Новосибирск, 1969.
4. *Бичелдей К.А.* Особенности звукового строя юго-восточного диалекта тувинского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985.
5. *Дамдинсурен Ц.* (ред). Русско-монгольский словарь. Т. 1–2. Уланбаатар, 1969.
6. *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. М., 1997.
7. *Кунаа А.Ч.* Звуковой состав тес-хемского говора тувинского языка / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1958.
8. *Кунаа А.Ч.* О фонетических особенностях речи населения Эрзинского района // УЗТ. Вып. XVI. 1973.
9. *Куулар Е.М.* Термины родства юго-восточных тувинцев // Эрдэм шинжилгээний ойллого. № 2. Хобд, 2000.
10. *Покровская Л.А.* Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
11. *Сат Ш.Ч.* Диалектные материалы как источник для создания исторической грамматики тувинского языка // Вопросы тувинского языкознания. Кызыл, 1993.
12. *Сат Ш.Ч.* Тыва диалектология. Кызыл, 1987.
13. *Серен П.* Цагаан-Нуур тывалары // Улуг-Хем. 1993, № 5–6.
14. *Сонам Б.С.* О лексических особенностях монгольского языка юго-восточных тувинцев // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983.
15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997.
16. *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск, 2000.
17. *Чадамба З.Б.* Изучение диалектов тувинского языка // УЗТ. Вып. XV. 1971.
18. *Чадамба З.Б.* Речь каа-хемских тувинцев // УЗТ. Вып. XVI. 1973.
19. *Чадамба З.Б.* Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974.

Н. А. Тадина

О ВОЗРАСТНЫХ СТЕПЕНЯХ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ТЕРМИНАХ РОДСТВА И НОРМАХ АПЕЛЛЯЦИИ У АЛТАЙЦЕВ¹

Основным принципом традиционной культуры общения алтайцев выступает уважение к возрасту человека. До настоящего времени у алтайцев сохранилось представление о возрастных степенях и возрастных характеристиках.²

Для определения возраста и возрастных степеней, а также связанных с ними норм общения, включая апелляции, алтайцы применяют традиционный циклический календарь, основанный на сочетании солнечных лет с лунными месяцами. Ранние сведения об использовании данного летосчисления содержатся в древнетюркских текстах (VI–IX вв.) как крупных по объему, воспевающих деяния каганов, так и малых эпитафиях, посвященных воинам. Даты, соответствующие конкретным годам по названиям животных, были переложены на григорианский календарь в переводах В.В.Радлова, собранных в единый свод С.Е.Маловым.³ Считается, что этот календарь возник в начале новой эры, зафиксирован в исторических документах древнетюркской эпохи и назван поэтому тюрко-монгольским летосчислением.⁴ Существует и другое название – «китайский календарь» – вследствие широкой известности со времен Древнего Китая,⁵ но китайское происхождение его многими исследователями отрицается.⁶ В нем годы носят названия животных: мышь (крыса), корова (бык, скот), тигр (барс), заяц, рыба (дракон, крокодил), змея, лошадь, овца, обезьяна, курица (петух, птица), собака, свинья (кабан). Этот календарь, с тем или иным вариантом названия года, широко распространен в странах Азии.⁷

В алтайском варианте, известном также в соседних регионах,⁸ годы календаря носят следующие названия животных: «чычкан» (мышь), «уй» (корова), «бар» (барс), «койон» (заяц), «улуу» (дракон), «жылан» (змея), «ат» (лошадь), «кой» (овца), «мечин» (обезьяна),¹⁰ «такаа» (курица), «ийт» (собака), «какай» (кабан). В указанной последовательности названные 12 лет выстраиваются в цикл. Пять пройденных друг за другом циклов составляют 60-летний век ($5 \times 12 = 60$). Начало каждого цикла приходится на год мыши. Последний по времени год мыши выпадает на 1996 год. Цикл завершает год кабана (1995 г. – конец прошедшего цикла). Каждый 60-летний период не имеет своего признака в виде порядкового номера, как в тибетском календаре, или одного из пяти вселенских первоэлементов (дерево, железо и др.), как в китайском, что свидетельствует об архаичности «алтайского» календаря («алтай жылдык тоо»).

Первоначальное представление людей о времени было связано с изменением чередованием дня и ночи, лета и зимы, молодости и старости.